
И. Е. СУРИКОВ

**ВИНКЕЛЬМАН – НИЦШЕ – ГИТЛЕР:
«НЕМЕЦКАЯ АНТИЧНОСТЬ»
И СКЛАДЫВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ***

В статье предпринимается попытка привлечь внимание к одному из нюансов формирования нацистской идеологии, который обычно остается несколько в тени. Речь идет об интересе к античности, возникшем в Германии еще в XVIII в. (с Винкельмана) и впоследствии устойчиво сохранявшемся, но в силу ряда причин принявшем в этой стране довольно своеобразные формы (можно указать на выраженный интерес к «сильной личности», на подспудный антисемитизм и т. п.). Именно в качестве исследователя античности начинал свою карьеру Ницше – один из кумиров нацистов. Да и сам Гитлер проявлял симпатии к античности.

Ключевые слова: античность, Германия, нацизм, гуманизм, Винкельман, Ницше.

В 1941 г. (насколько можно судить, еще до нападения гитлеровских войск на СССР) Даниил Андреев – а он был не только мыслителем-мистиком, автором «Розы мира», но и прекрасным поэтом – написал знаменательное стихотворение о росте кровожадного монстра. Отрывок из этого стихотворения (в некоторых выражениях несомненно отголоски воззрений Шпенглера) представляется уместным здесь привести:

Враг за врагом. На мутном Западе
За Рону, Буг, Дунай и Неман
Другой, страшнейший смотрит демон –
Стоногий спрут вечерних стран:

* Статья подготовлена на основе доклада с тем же названием, сделанного автором на конференции «Мировое значение Второй мировой войны» (май 2010 г., Гуманитарный факультет МФТИ).

Он утвердил себя как заповедь,
Он чертит план, сдвигает сроки,
А в тех, кто зван, как лжепророки –
Вдвигает углем свой коран.

Он диктовал поэтам образы,
Внушал он марши музыкантам,
Стоял над Кёрнером, над Арндтом,
По чердакам, в садах, дворцах,
И строки, четкие как борозды,
Ложились мерно в белом поле,
Чтобы потом единой волей
Зажить в бесчисленных сердцах.

Как штамп впечататься в сознание,
Стать культом шумных миллионов,
Властителей старинных тронов
Объединить в одну семью,
И тело нежное Германии
Облечь в жестокое железо...

(Андреев 1989: 131)

Зададимся вопросом: а почему же действительно такая столь чудовищная, антигуманная идеология, как национал-социализм, возникла и получила широкое распространение не где-нибудь, а в этой самой «нежной» Германии, стране с одной из самых богатых и глубоких в Европе гуманистических традиций?

Разумеется, наивно было бы считать, что исчерпывающее и ответственное решение столь глобального вопроса удастся найти в рамках краткой статьи. Нацизм (или германский фашизм¹) является достаточно сложным идеологическим явлением; различные аспекты его генезиса неоднократно были предметом изучения в науке. Нам лишь хотелось бы привлечь внимание к одному нюан-

¹ Последнее обозначение, строго говоря, не является вполне корректным (в западной традиции, как историографической, так и бытовой, четко отличают друг от друга итальянский фашизм и германский нацизм). Однако у нас оно прижилось и стало общепринятым (см. хотя бы наиболее авторитетное в отечественной науке исследование по проблеме: Галкин 1989), бороться с подобной ситуацией бессмысленно. Мы все-таки по возможности будем избегать такого словоупотребления.

су, который ранее мало затрагивался исследователями, – во всяком случае, не в той мере, в какой он того заслуживает.

* * *

В XVIII в. в идеологической жизни Европы значительную роль сыграло явление, которое часто называют «вторым гуманизмом»². «Первый гуманизм», как всем прекрасно известно, пришелся на эпоху Ренессанса, и центром его, естественно, была Италия. Что же касается «второго гуманизма», о котором сейчас идет речь, то в качестве его центра безоговорочно выступала Германия. Во главе данного течения стоял Винкельман; среди других его крупнейших представителей следует назвать Гердера, Гёльдерлина, Лессинга и др. Не обойтись без упоминания таких фигур всемирно-исторического значения, как Гёте и Шиллер. Более того, из «второго гуманизма» во многом вышли и братья Шлегели, и Гегель, и Шеллинг³. Тогдашняя Германия, в политическом отношении слабая и раздробленная, в сфере интеллектуальной, духовной жизни Европы, бесспорно, шла в авангарде. По сути дела, приходится говорить о втором в европейской истории Возрождении, на сей раз – немецком, в отличие от первого, итальянского.

Понятно, что любое движение «возрожденческого», «ренессансного» характера должно включать в себя как важнейший, интегральный компонент обострение интереса к античности. Это в полной мере относится и ко «второму гуманизму». Основоположником здесь выступил великий искусствовед, упомянутый уже выше – И.-И. Винкельман. Собственно, именно он в полной мере открыл глаза европейцам на *подлинную* (а не изобретенную ими) античность.

Историческое значение деятельности Винкельмана колоссально. Строго говоря, и поныне тот «образ Эллады», который встает перед нашим мысленным взором, когда мы о ней думаем, – это именно образ, «выкованный», созданный Винкельманом. Одной из весомых его заслуг, кстати, является то, что он привлек внимание

² Или неогуманизмом (выражение утвердилось достаточно давно, см. уже: Зелинский 1911: 12. В целом об основном характере данного идейного процесса ср.: Он же 1907: 238).

³ Но не Кант. Учение последнего генетически восходит к иной ментальной традиции, а именно к Просвещению.

образованной европейской общественности к Древней Греции (первое, итальянское Возрождение было по понятным причинам ориентировано преимущественно на Рим). Классическое греческое искусство Винкельман провозгласил высшим достижением культурной истории человечества (ср., например: Суриков 2005а: 12). Прославленной стала предложенная им чеканная формулировка ключевых черт этого искусства: «благородная простота и спокойное величие» (Винкельман 1996: 107). При этом, конечно, вклад Винкельмана отнюдь не ограничивается одной только сферой искусствоведения. Так, некоторые высказанные им мысли положили начало идеализации Перикла и «Периклова века» в историографии Нового времени (Will 1995: 7, 64; 2003: 287).

И после Винкельмана крупнейшие представители «второго гуманизма» неизменно отдавали античности очень большую дань. Напомним, что, например, в наследии Шиллера есть такие шедевры лирики, написанные на античные сюжеты, как «Боги Греции», «Пир победителей» и др.; одно из известнейших произведений Гёте – трагедия «Ифигения в Тавриде». Да и в главном гётевском творении – бессмертном «Фаусте» (особенно в его второй части) – немалое место занимают античные мотивы.

О Гёте в данном контексте, вероятно, имеет смысл сказать еще несколько слов. Этот человек был вообще в новоевропейской культуре, пожалуй, более всех других похож по складу своего ума на древнего грека. Не случайно его под старость называли «олимпийцем». Он (кстати, не только великий поэт, но и оригинальный ученый, сделавший достаточно значимый вклад в науку, до сих пор не оцененный по достоинству, см.: Свасьян 1989: 104 слл.) являлся в эпоху торжества «индустриального» подхода к природе едва ли не единственным мыслителем, отстаивавшим античный тип научного исследования. Достаточно прочесть известную книгу его секретаря Эккермана, тщательно записывавшего свои разговоры с «мэтром» на протяжении ряда лет, чтобы увидеть: античные аллюзии присутствовали в дискурсе Гёте почти постоянно.

Не будет здесь излишней характеристика, которую дал Вернер Гейзенберг – один из крупнейших физиков-ядерщиков XX в., нобелевский лауреат, известный также и в качестве философа науки: «...Гёте попытался вернуться к дескриптивной науке – к такой науке, которую интересуют только зримые явления природы, а не экс-

перименты, искусственно вызывающие новые эффекты. Он был против рассеяния явлений на объективную и субъективную сторону, и он боялся разрушения природы вышедшей из берегов технической наукой. Столкнувшись с загрязнением воздуха и воды, с отравлением почвы химическими удобрениями и с атомным оружием, мы понимаем сегодня опасения Гёте лучше, чем это было доступно его современникам. Однако попытка Гёте, по существу, не оказала влияния на развитие науки» (Гейзенберг 1987: 235).

На протяжении XIX в. происходило становление комплексной научной дисциплины классического антиковедения (*classische Altertumswissenschaft*)⁴. В этой дисциплине безоговорочно лидирующие позиции сразу же заняли именно немецкие ученые. И не только заняли, но и весьма долго удерживали их: на протяжении всего XIX, а также начала XX в. Удивляться этому не приходится, если учитывать, какую роль тогда играла античность в жизни немцев. Увлечение ею получило широчайшее распространение⁵ и, главное, воспринималось как престижное.

Однако именно в XIX в. в связи с проблематикой, о которой идет речь, наметились новые, необычные и крайне специфичные явления. Что представителей немецкой интеллектуальной элиты более всего интересовало в античности, чему в ней они особенно симпатизировали? Иными словами, что являлось наиболее актуальным для них в предпринятой ими рецепции античного наследия? На предыдущих этапах этой рецепции в Европе (начиная с итальянского «первого Возрождения») воспринимались и усваивались либо вещи политически нейтральные (будь то римское частное право или система мифологических образов и сюжетов), либо мотивы, ярко говорившие о свободолобии древних (имелось в виду свободолобие в обоих своих смыслах, неприятие как подчине-

⁴ О ее значении подробнее см.: Funke 1999.

⁵ Вполне закономерно, что и автор сенсационного открытия Трои Шлиман был выходцем из Германии. Фигура Шлимана вообще в высшей степени характерна для оценки роли пресловутой «любви к античности» у немцев тех лет. Коммерсант по профессии, не получивший даже законченного среднего образования, не имевший ровно никакого отношения к истории, — а между тем с детства грезивший мечтой о городе, воспетом Гомером. И это было не отклонением, а нормой в немецких государствах XIX в. Фрейдом описан случай человека (тоже, естественно, не историка), который настолько зачитывался греческими мифами, что в официальных резолюциях вместо слова «Angenommen» («принято») ошибочно читал «Aganempon» (Фрейд 1997: 31).

ния внешним врагам, так и подчинения разного рода «тиранам»). Воспевались и ставились на пьедестал такие фигуры, как Брут, Спартак, братья Гракхи, братья Горации, Цицерон и т. п. Все это очень четко прослеживается хотя бы по европейскому искусству XV–XVIII вв. н. э.

Ярким контрастом выступает позиция, занятая немецкими интеллектуалами в XIX в. Если в этом столетии, скажем, во французской традиции Цицерон – по-прежнему один из главных героев, «идеалов» (не случайно ему посвящен один из важнейших трудов выдающегося французского антиковеда того времени Г. Буассье⁶), то в Германии мы обнаруживаем принципиально иную ситуацию. Величайший немецкий антиковед Т. Моммзен (единственный историк, получивший Нобелевскую премию) относится к тому же Цицерону с плохо скрываемым презрением. Его идеал – отнюдь не республиканец Цицерон, а диктатор Юлий Цезарь, «отец» римской монархии⁷.

Возвращаясь же вновь от Рима к Греции, нельзя не обратить внимание на то, какие сюжеты в данной области больше всего привлекали немецких исследователей античности в XIX в. Один из таких сюжетов – проблема дорийцев. Благодаря классическому четырехтомному труду К.-О. Мюллера «Die Dorer» этот субэтнос древнегреческого народа (представленный, разумеется, в первую очередь спартанцами) стал восприниматься как самая этнически «чистая», самая, так сказать, «нордическая» его часть, сохранившая незабываемыми индоевропейские (арийские) традиции, среди которых, разумеется, предельно строгое воспитание, ликвидация неполноценных младенцев и т. п.

⁶ В русском переводе см.: Буассье 1993. Во французской историографии подобный подход превалирует и по сей день. См. хотя бы: Грималь 1991.

⁷ Характерно, что эти симпатии к Цезарю вполне разделяет с Моммзеном его младший современник – видный итальянский антиковед Г. Ферреро (труды которого в начале XX в. тоже были у нас довольно влиятельны). Ну как тут не вспомнить, что в Западной Европе первой половины XX в. Италия была наряду с Германией вторым главным очагом тоталитарной идеологии? В «стране Ницше» и «стране Д'Аннунцио» даже историки мыслили во многом конгениально. Приходит на ум даже то, что Р. Михельс, несколько «преждевременно родившийся» теоретик тоталитаризма, будучи немцем, нашел себе наилучший «приют» в Италии.

В целом из древнегреческих полисов максимальным уважением немецких антиковедов пользовалась, разумеется, именно суровая Спарта. Если, скажем, для английских историков того же XIX столетия (представленных, в частности, такой «звездой первой величины», как Дж. Грот) Спарта – некое непонятное и ненавистное явление, а идеалом выступают демократические Афины⁸, то для их коллег из Германии все в точности наоборот. Один известный немецкий антиковед начала XX в. желчно, с недоброй иронией назвал Афины времен Демосфена «республикой адвокатов» (Dreger 1916)⁹.

Коль скоро упомянут Демосфен, остановимся на еще одном важном вопросе: как немецкие ученые рассматриваемой эпохи относились к греко-македонскому противостоянию IV в. до н. э., protagonists которого были этот великий афинский оратор, а также царь Македонии Филипп II. Последний желал добиться гегемонии в эллинском мире, а Демосфен всячески противостоял этим его притязаниям.

Если в англосаксонской и французской историографических традициях в качестве «положительного героя» этого конфликта, как правило, однозначно воспринимался Демосфен, то у антиковедов Германии и в данном случае была особая позиция. Они безоговорочно стояли на стороне Македонии и Филиппа II, которого были склонны идеализировать¹⁰. Демосфен же оценивался ими в лучшем случае как романтик, всю жизнь самоотверженно боровшийся за заведомо проигранное дело, а в худшем случае – как прожженный корыстолюбивый политикан.

В немецкой науке об античности на протяжении XIX – первой половины XX в. мы встречаем нескрываемый интерес к «сильным личностям» – могучим воителям и правителям ярко выраженного

⁸ Позиция Грота была для XIX в., пожалуй, даже радикальной. Так, он идеализировал охлократически настроенных политиков (как Клеон), а также разрушавшее традиционные устои движение софистов. Ныне позитивное отношение к софистам, которых-де «опорочил» Платон, кажется, становится преобладающим. См., например: Gaggin 2002: 9–36.

⁹ См. по этому поводу также: Суриков 2008а: 256.

¹⁰ См. хотя бы: Белох 2009: 334 слл. (приводим просто как характерный образчик общепринятой в Германии в XIX – начале XX в. точки зрения).

авторитарного типа. О Филиппе II уже упоминалось; еще большее внимание привлекал его знаменитый сын – Александр Македонский. Восторженную характеристику дает Александру Дройзен в своей эпохальной «Истории эллинизма», во многом не утратившей значение и по сей день. Тот же Дройзен едва ли не первым в мире уделил пристальное внимание истории преемников Александра – диадохов, их борьбы между собой. Соответствующие части его труда написаны просто-таки вдохновенно и читаются как увлекательный роман. В высшей степени живо, эмоционально изображены автором запоминающиеся фигуры участников войн диадохов – людей подчеркнута пассионарных и одаренных, но при этом жестоких, циничных и совершенно беспринципных.

Продуктом отмеченного интереса к «сильным личностям» стал и тот факт, что антиковеды Германии первыми детально описали деятельность древнегреческих тиранов¹¹. Также характерно различие акцентировки при оценке деятельности Перикла. Этого последнего со знаком безусловного позитива, с нескрываемой симпатией воспринимали представители самых разных идеологий; но если приверженцы либеральной демократии в большинстве европейских стран видели в нем одного из отцов-основателей этой политической системы, то многие немецкие историки (даже еще до возникновения фашизма) подчеркивали, что Перикл был идеальным вождем (Führer)¹² народа, выразителем «нордического» духа.

Разумеется, особенности, о которых мы говорим, в значительной степени порождались объективной политической ситуацией в Германии. На протяжении XIX в. как раз шел процесс преодоления ее раздробленности, объединения немецких земель в единое могучее (при том весьма милитаризованное) государство. Процесс этот,

¹¹ Начиная с труда: Plass 1852. Наиболее полную форму тенденция, о которой здесь идет речь, обрела в известнейшем исследовании: Berve 1967. Хотя эта книга была написана уже после Второй мировой войны, но Г. Берве (подробнее о нем см. ниже) сформировался как ученый в первой половине XX в. и фактически до конца жизни разделял ценности, усвоенные в молодости.

¹² См. хотя бы: Ranke 1942: 134 (весьма показательны уже то, что эта книга великого немецкого историка XIX в. была переиздана при Гитлере, во время Второй мировой войны). К оценке очерченной здесь тенденции в изображении Перикла ср.: Will 1995: 7 ff.; 2003: 245 ff.; Суриков 2005б: 172; 2008б: 261–262. В целом по вопросу см. также: Туманс 2010.

в конечном счете возглавленный Пруссией, пробивал себе дорогу отнюдь не легко: мелкие германские княжества держались за свою независимость. Неудивительно, что возникала иллюзия полной аналогии с событиями в Греции IV в. до н. э., с пестрым миром борющихся между собой греческих полисов и Македонией в качестве объединительницы. В подобной системе взглядов Пруссия прочно ассоциировалась с Македонией, а ее крупные государственные деятели – Вильгельм I и особенно Бисмарк – с Филиппом II¹³.

Но, думается, дело все же не только в политической конъюнктуре (к тому же здесь еще неясно, что являлось причиной, а что – следствием; ясно, во всяком случае, что в хронологическом и этиологическом плане «немецкое Возрождение» стало идейным стимулом к объединению страны, а не наоборот). Укажем хотя бы на такой нюанс, который вряд ли можно считать политически обусловленным, как нотки подспудного антисемитизма в работах многих тогдашних антиковедов Германии. При этом отнюдь не только у тех из них, которые стояли на позициях ретроградного консерватизма, но и у историков, в прочих отношениях мысливших вполне либерально (Ю. Белох, Р. Пёльман и др.).

* * *

Именно на только что описанном идеологическом фоне развертывается деятельность Ф. Ницше, которого, вне всякого сомнения, следует признать одной из крупнейших фигур в интеллектуальной жизни Европы второй половины XIX в. Для развиваемой нами темы имеет особое значение тот факт, что Ницше начинал именно как исследователь античности (см.: Свасьян 1990: 5 слл.). По образованию он был филологом-классиком, и его первая крупная работа представляла собой сугубо академическое исследование об источниках Диогена Лаэртского.

¹³ Ассоциация «Македония – Пруссия» подкреплялась и рядом совпадений в конкретных деталях. Пруссия была периферийным германским государством, лежавшим далеко на востоке от древнейших очагов немецкой цивилизации, и относительно поздно стала сильным игроком на политической арене; частью общественного мнения она могла даже восприниматься как не вполне органичная часть Германии (тем более что располагалась не на исконно немецких, а на захваченных славянских землях). Во многом то же самое можно сказать об отношении Македонии к Греции в IV в. до н. э.

Но даже и тот труд, с которого началась карьера Ницше как философа – «Рождение трагедии»,¹⁴ – написан практически всецело на античном материале. Как известно, в этом сочинении мыслитель предложил видение всей древнегреческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал – «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу.

Его концепция отнюдь не встретила однозначно положительного отношения. Напротив, у Ницше тут же появились жесткие критики (среди которых был, в частности, специалист такого масштаба, как Виламовиц); их немало и по сей день. Следует отметить, что философ и сам дал более чем достаточный повод для критических стрел в свой адрес, допустив целый ряд чрезмерно категоричных и недоказуемых суждений.

Но все-таки, знакомясь с пониманием античности, предложенным Ницше, нельзя не вынести такое впечатление: несмотря на все ошибки и передержки, в нем есть некая глубокая истина. До «Рождения трагедии» абсолютно господствовал взгляд на древнегреческую цивилизацию, наиболее полно развитый в XVIII в. Винкельманом. Однако чем дальше, тем больше становилась потребность в корректировке винкельмановской концепции, которая оказывалась несколько односторонней: какими-то уж слишком безмятежными и гармоничными выступали в ней греки. Ясно, что на самом деле они были не вполне такими, о чем свидетельствует хотя бы феномен классической трагедии с ее бурными, дикими, зачастую кровавыми страстями. Трагедия вообще не поддавалась интерпретации с точки зрения винкельмановских взглядов. И вот тут-то необходимые поправки внес Ницше, уделивший достаточное внимание второй – «трагической» – стороне эллинского духа.

Позже, правда, на своем противоречивом, неоднозначном философском пути он постепенно отходил от античности. В его дальнейших произведениях вместо Аполлона и Диониса появляются персонажи иного толка, как квазииранский «сверхчеловек» Зарату-

¹⁴ Полное название этой книги Ницше существует в двух вариантах: более раннем – «Рождение трагедии из духа музыки», и более позднем – «Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм». См.: Ницше 1990: 47, 57.

стра или даже Антихрист¹⁵. Закончилось все скандальной «Волей к власти», которую впоследствии нацисты «подняли на щит», а самого Ницше объявили одним из главных предтеч их учения, включили его в свой «пантеон». Сам мыслитель в этом, конечно, не виноват, но все-таки нельзя не заметить, что многие его взгляды действительно в той или иной мере коррелировали с нацистской идеологией. Хотя предпринимались и регулярно предпринимались попытки оправдать Ницше от обвинений в пангерманизме, антисемитизме, славянофобии и т. п. (см., например: Свасьян 1990: 42–45), но абсолютно убедительными они, наверное, никогда не будут.

В свете всего вышесказанного о настроениях интеллектуальной элиты в Германии никак не выглядит удивительным, что с приходом Гитлера к власти многие немецкие историки античности приняли этот режим и даже пошли к нему на службу. Причем среди них был ряд действительно крупнейших специалистов. Достаточно упомянуть такое имя, как Г. Берве. В годы гитлеровского правления он был в полном смысле слова нацистским ученым¹⁶ (даже возглавил специально учрежденное ведомство, обеспечивавшее «участие науки об античности в войне» [Фролов 1980: 220]). Той же стезей шли и другие известные исследователи, например Э. Корнеманн, М. Гельцер, Ф. Шахермайр¹⁷ и пр.

Разумеется, после разгрома Германии во Второй мировой войне все они отреклись от нацистских убеждений и продолжали (многие из них – еще в течение ряда десятилетий) активно работать

¹⁵ Хотя характерно, что, сойдя под конец жизни с ума, Ницше подписывал свои письма «Дионис». Нечто эллинское всегда оставалось в его душе, и он был в полном смысле слова порождением (пусть и крайне своеобразным) немецкого гуманизма.

¹⁶ Характерно, что если в те же годы в нашей стране под давлением властей ученые были просто *вынуждены* стать марксистскими учеными (чаще всего без внутреннего принятия и даже без полного понимания идеологии марксизма), то в Германии их коллеги усваивали нацизм куда более искренне и добровольно. А те, кто не желал это делать, эмигрировали из страны (как В. Йегер, В. Эренберг и ряд других).

¹⁷ Шахермайр, строго говоря, – австрийский историк. Однако австрийская историография античности, будучи немецкоязычной, всегда воспринимается (даже и по сей день) как одна из ветвей немецкой историографии, тем более что книги австрийских антиковедов издаются чаще всего в Германии. К тому же в тот период, о котором сейчас идет речь, Австрия входила в состав германского Третьего рейха (в 1938–1945 гг.). Возможно, здесь будет уместным напомнить, что и сам Гитлер был уроженцем Австрии.

в науке. Однако характерно, что, например, тот же Берве еще и в последующие годы неоднократно переиздавал сборник своих статей (Berve 1966), написанных в большинстве своем в 1930-х – первой половине 1940-х гг. и несущих на себе соответствующий отпечаток.

Перед нами – отнюдь не случайное обстоятельство. Как бы там ни было, а в гитлеровской идеологии присутствовали античные мотивы. И не просто присутствовали, а играли достаточно значимую роль. Сам Гитлер интересовался античностью и любил, в частности, позировать фотографам на фоне античных статуй¹⁸. Всем памятно, с какой невиданной до того пышностью нацистами были проведены берлинские Олимпийские игры 1936 г., когда «безумный Адольф» стоял на одной трибуне с основателем современного олимпизма почетным председателем МОК П. де Кубертенем и выслушивал от него слова всяческого одобрения и поддержки в свой адрес.

Олимпийские игры – феномен древнегреческого происхождения. Тут следует отметить, что если для итальянского фашизма Муссолини тоже был характерен интерес к античности¹⁹, но в сочетании с преклонением прежде всего перед Римом (что вполне естественно, ведь итальянцы воспринимали себя как потомков римлян), то в Германии (чья культура непосредственных античных корней не имела) аналогичное преклонение было перенесено в большей степени на Грецию. Тут опять же имело место некое «соблюдение традиций»: ведь, как говорилось выше, именно немцем Винкельманом «лик Эллады» был, по сути дела, открыт взору новой Европы. Да и помимо Винкельмана нацистам в данном отношении было на кого ссылаться из своих знаменитых соотечественников, будь то Шиллер или Ницше.

¹⁸ Репродукцию одной из таких фотографий (Гитлер на фоне «Дискобола» Мирона) см., например: Will 1995: 9.

¹⁹ И Муссолини не жалел средств на исследование и реставрацию античных памятников. См. о некоторых его грандиозных проектах в этой сфере: Немировский 1989: 244, 251 (восстановление Алтаря мира императора Августа, для чего пришлось переместить палатку XVI в.; откачка гигантскими помпами воды из озера Неми, дабы извлечь с его дна корабли, затонувшие в I в. н. э.).

После Второй мировой войны, как известно, в Германии активно пошел процесс денацификации. Одним из побочных его результатов, между прочим, стало то, что немецкое антиковедение начало постепенно утрачивать свой былой авторитет (тут сказывается некая сложная диалектика). Ныне оно уже отнюдь не занимает первенствующего места в мире, как было еще лет сто назад; на лидирующие позиции выдвинулась англо-американская школа изучения античности, второе место – за французской школой (сосредоточившейся в последние десятилетия в основном на том, чтобы генерировать оригинальные концептуальные построения). А в Германии хотя в чисто количественном отношении с литературой по античности, пожалуй, хуже не стало, но вот в плане свежих идей ощущается значительно больший дефицит.

Завершим статью небольшим экскурсом, посвященным конкретному сюжету, причем вернемся к неоднократно упоминавшемуся выше Периклу. Снова и снова оказывается, что от разговора о нем не уйти, когда речь ведется о немецком антиковедении. Ведь фигура Перикла и на сегодняшний день остается наиболее популярной, пожалуй, именно в немецкой науке об античности. Недавно на достаточно кратком хронологическом отрезке в Германии увидели свет несколько книг о «первом гражданине» Афин (Schubert 1994; Will 1995; 2003; Lehmann 2008).

Причем, что интересно, в Германии больше, чем где-либо, ученых, готовых к критической ревизии деятельности Перикла, даже к его «развенчанию». Для работ Ш. Шуберт и особенно В. Вилля характерна именно эта тенденция. Книгу Вилля «Перикл» мы даже как-то предложили называть «Антипериклом» (Суриков 2005б: 179). Этот автор ставит перед собой задачу как можно более преуменьшить историческое значение деятельности выдающегося лидера афинской демократии. Он считает, что история демократических Афин V в. до н. э., вплоть до Пелопоннесской войны, вряд ли сложилась бы существенно иначе, если бы Перикла вообще не было. «Перикл не был учителем, провидцем, демократом, миротворцем или культурным героем; он был (возможно) гениальным оратором, умевшим склонить на свою сторону народ в экклесии, и (прежде всего) весьма успешным мастером внешней и военной политики, а на

взгляд греков из противоположного лагеря – тираном» (Will 1995: 112). Кроме того, из книги следует, что по своим личным качествам Перикл был довольно неприятным человеком: мелочным, мстительным, жестоким, склонным к демагогии и популизму...

С чем же связано подобное «отторжение» Перикла современными немецкими историками (притом что в англо- и франкоязычной науке его характеристика и поныне подается в позитивных, апологетических, порой восторженных тонах)? Думается, это напрямую обусловлено именно тем, что, как уже отмечалось выше, Перикл был весьма популярен и востребован в годы власти нацистов. Какие-то элементы созданного тогда нормативного образа (образа скорее тоталитарного, чем истинно демократического деятеля) сохранились и до наших дней, и вот теперь в денацифицированной Германии с ними начали активно бороться. Насколько можно судить, в какой-то степени имеет место сублимация комплекса вины.

Данную тенденцию мы подметили несколько лет назад – на международной конференции «Hellenic Dimension» в Риге, выступая в дискуссии по докладу Х. Туманса (Tumans 2009). Несколько выбивается из этого ряда самая новая книга о Перикле, написанная Г. А. Леманном к 2500-летию со дня его рождения (Lehmann 2008), но, по большому счету, и она тоже вполне подтверждает наши наблюдения. Просто в отличие, скажем, от «критика» Перикла В. Вилля Леманн идет по иному пути: признавая, что Перикл был выдающимся государственным деятелем, ученый при этом стремится показать, что он являлся абсолютно демократичным лидером, ни в коей мере не «вождем», не «монархом».

Литература

Андреев, Д. Л. 1989. *Русские боги: Стихотворения и поэмы*. М.: Современник.

Белох, Ю. 2009. *Греческая история: в 2 т. 3-е изд. Т. 2. Кончая Аристотелем и завоеванием Азии*. М.: ГПИБ.

Буассье, Г. 1993. *Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря*. СПб.: Иванов и Лещинский.

Винкельман, И.-И. 1996. *Избранные произведения и письма*. М.: Ладомир.

Галкин, А. А. 1989. *Германский фашизм*. М.: Наука.

Гейзенберг, В. 1987. *Шаги за горизонт*. М.: Прогресс.

Грималь, П. 1991. *Цицерон*. М.: Молодая гвардия.

Зелинский, Ф. Ф.

1907. *Из жизни идей: Научно-популярные статьи*. Т. 3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

1911. *Древний мир и мы: Лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г.* 3-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

Немировский, А. И. 1989. *Нить Ариадны (Из истории классической археологии)*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.

Ницше, Ф. 1990. *Соч.*: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.

Свасьян, К. А.

1989. *Иоганн Вольфганг Гёте*. М.: Мысль.

1990. Фридрих Ницше: мученик познания. В: Ницше 1990: 5–46.

Суриков, И. Е.

2005а. *Древняя Греция: история и культура*. М.: АСТ-Астрель.

2005б. Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге. *Studia historica* 5: 171–179.

2008а. *Солнце Эллады: История афинской демократии*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ.

2008б. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М.: Наука.

Туманс, Х. 2010. Перикл на все времена. *Вестник РГГУ* 10(53): 117–154.

Фрейд, З. 1997. *Введение в психоанализ: Лекции*. СПб.: Азбука.

Фролов, Э. Д. 1980. Немецкая историография античности. В: Кузищин, В. И. (ред.), *Историография античной истории* (с. 208–225). М.: Высшая школа.

Berve, H.

1966. *Gestaltende Kräfte der Antike*. 2. Aufl. München: Beck.

1967. *Die Tyrannis bei den Griechen*. München: Beck.

Drerup, E. 1916. *Aus einer alten Advokatenrepublik (Demosthenes und seine Zeit)*. Paderborn: Schöningh.

Funke, P. 1999. Alte Geschichte. In Schreiber, W. (Hg.), *Erste Begegnungen mit Geschichte: Grundlagen historischen Lernens* (Bd. 2, S. 731–740). München: Ars una.

Gagarin, M. 2002. *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin: University of Texas Press.

Lehmann, G. A. 2008. *Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie*. München: Beck.

Plass, H. G. 1852. *Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen*. Bremen: Schlotdmann.

Ranke, L. von. 1942. *Perikles: Die Blütezeit Athens*. Berlin: Heimbücherei.

Schubert, Ch. 1994. *Perikles*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Tumans, H. 2009. Pericles Forever. In Rūmniece, I. (ed.), *International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture* (p. 35). Riga: University of Latvia.

Will, W.

1995. *Perikles*. Reinbek: Rowohlt.

2003. *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn: Habelt.